Часть 1

Весенний ветерок ласкал водную гладь и заключал их сердца в нежные объятия.

— Тебе больше нечего бояться, — сказал мужчина, стоя перед трупом огромной, длинной сколопендры.

Кожа мужчины подтянутая и загорелая, а руки, совсем недавно сжимавшие лук и стрелы, мощные и мускулистые. Когда он сражался со сколопендрой, то напоминал неистового демона, но сейчас вновь стал похож на скромного юношу.

— Как же мне отблагодарить тебя...

Лоснящиеся чёрные волосы и бледная кожа девушки затмевали своей красотой даже лазурное парадное одеяние. Её щеки зарделись румянцем, и она смущённо смотрела на мужчину. Когда он убил сколопендру, так долго мешавшую ей жить, дева ощутила не только радость и облегчение, но и, впервые в своей жизни, волнительные чувства по отношению к мужчине.

— Леди Охана...

Этих слов, произнесённых его голосом, каким-то чудесным образом хватало, чтобы осчастливить её.

Мужчина повторил своим сладким и немного смущённым голосом:

— Леди Охана.

Когда девушка услышала приятное и дрожащее, словно рябь на воде, звучание его речи, на мгновение увидела будущее, о котором могла лишь мечтать.

Будущее, которое воплотилось бы в жизнь, стань они мужем и женой...

— Я хочу, чтобы вы сейчас же заставили клуб гребли уйти с этой реки, — услышал Ёсихико следующий божественный заказ, сидя в старом святилище на побережье реки Сэта, что в префектуре Сига. — До сих пор я терпела их, но больше выносить не могу.

Помещение и молельней-то назвать язык поворачивался с трудом — просто колокол, подвешенный под потолком, за которым находилось тонкостенное главное святилище. Короб для подаяний представлял собой просто щель в одной из стен. И главное святилище, несмотря на своё название и стоящее рядом одинокое дерево, обвязанное верёвкой-симэнавой[□]Симэнава (буквально «ограждающая верёвка») – верёвка из рисовой соломки с прикрепленными бумажными лентами, с помощью которой обозначают сакральные объекты., оказалось меньше, чем даже маленькое и безлюдное четырёхкаменное строение, в которой жил Когане, и совершенно точно не шло ни в какое сравнение с обителью Хитокотонуси, которую они посетили месяц назад.

— А-а... можно я на всякий случай спрошу?

Ёсихико ещё раз посмотрел на третье имя бога, всплывшее в молитвеннике, а затем ещё раз окинул взглядом собеседницу. После её слов имя отпечталось на бумаге жирными чернилами.

— Вы... правда Королева Драконов госпожа Оомитами?..

На циновке, постеленной поверх гравийного пола святилища, лежала лицом в пол и держалась за поясицу женщина. Она тяжело дышала и недобро глядела на Ёсихико. Её глаза сияли глубокой синевой.

Её фигуру скрывало тёмно-синее парадное кимоно, а длинные чёрные волосы выглядели безобразно растрёпанными. Лоб украшали три маленьких отметины, напоминающих лепестки сакуры, а обливающееся потом лицо по человеческим меркам выглядело на 40 с чем-то лет. Черты её лица в целом представлялись весьма недурными, но сейчас их искажало мучение.

— Хочешь сказать, я похожа на кого-то ещё?!

— На человека, страдающего радикулитом?

— Н-нахал! Никакой у меня не радикулит! Это то, что сотворили со мной любезные люди... аргх-х-х! — стоило женщине попытаться подняться, как она застонала, и Ёсихико тут же метнулся к ней.

— Я ожидал от Королевы Драконов чего-то внушительнее... — буркнул Ёсихико, массируя её поясицу.

Месяц назад Ёсихико повстречался с заперевшимся дома Хитокотонуси-но-оками, и по сей день общался с ним в играх и социальных сетях, благодаря чему начал немного, но всё же интересоваться богами. Когда вчера в его молитвеннике появилось имя, в котором обнаружили слова «Королева Драконов», Ёсихико примчался сюда на всех парах, но он точно не ожидал встретить страдающую от больной спины женщину, требующую избавиться от клуба гребли. Что же происходит с богами в последнее время? Один хочет поесть парфе с тёртым чаем, другой превращается в затворника, третья лежит дома с больной спиной...

— Королева Драконов — лишь имя, которое дали ей люди от страха, — проговорил Когане, неспешно пройдя к циновке и покачивая хвостом. Пригнувшись, он продолжил: — Она — богиня-дракон реки Сэта, живущая под мостом Сэта-Карахаси. Возможно, такие богини известнее людям под другими именами: Хасихиме.

— Хасихиме? — Ёсихико недоуменно склонил голову.

Увы, это имя оказалось ему незнакомым.

— Изначально люди молились Хасихиме как богиням, сторожащим мосты. Но есть и некоторые, которых стали называть ведьмами и людоедками. Нечто подобное случилось и с мостом Удзи в Киото. Хасихиме того моста легла в основу такого явления как Усинококу-маири[□]Ночной поход к мосту с целью помолиться о смерти человека и таким образом проклясть его..

— У-усинококу-маири?..

Если он правильно помнил, это какой-то зловещий ритуал. Ёсихико невольно окинул взглядом лежащую на полу женщину. Неужели и у неё есть какое-то жуткое прошлое?

— А ты довольный мудрый для лиса... — Хасихиме продолжала лежать на полу и лишь перевела на Когане взгляд. — Ты... Хойдзин из Киото?

— Он самый, — с довольным видом подтвердил Когане. — Однако, Хасихиме, я хотел бы вернуться к заказу. Что ещё за клуб гребли?

Ёсихико в смешанных чувствах посмотрел на Когане, который опять не стал дожидаться настоящего заместителя лакея и начал обсуждать заказ сам. Конечно, Ёсихико признателен за то, что Когане двигал разговор в нужном направлении, но как бы тот опять не опомнился на полпути и не разозлился.

— Тогда слушайте... что меня раздражает!..

Прекрасное лицо Хасихиме вновь исказилось — то ли от боли, то ли от досады.

— Это случилось позавчера. Я сменила свою истинную форму дракона на облик маленькой змеи и грелась на берегу реки, — неспешно начала Хасихиме, а Ёсихико слушал её и продолжал поглаживать по пояснице. — Стоял тёплый ноябрьский день, мои чешуйки обдувал приятный ветерок. Мерное течение реки неспешно отсчитывала время, и я сама не заметила, как почти задремала.

Однако когда отдохавшая в траве Хасихиме начала засыпать, всё вокруг вдруг потемнело, а затем она ощутила в спине такую сильную боль, что едва не подскочила. Она не понимала, что с ней произошло, ошалев от боли, но затем увидела над собой ногу. Короче говоря, пока она спала, на неё наступил человек.

— Я этого никогда не забуду... я точно запомнила, что на спине у него было написано «Юки». Он из клуба гребли, который занимается на реке, — Хасихиме заскрипела зубами. — В былые времена я бы с лёгкостью наказала нахала, осмелившегося наступить на меня. Я утопила бы его в воде, поразила бы молнией, да хоть переехала бы телегой.

Судя по тому, сколько злости таилось в словах Хасихиме, поясница у неё и правда болела сильно.

— Но сейчас... сейчас у меня уже не осталось сил на такое... — от досады Хасихиме прикусила губу и свесила голову. — Люди уже не замечают того, что возле реки Сэта живу я...

Пусть она и зовётся Королевой Драконов, пусть имеет святилище на берегу реки, но год от года становится слабее. Скорее всего, люди, научившиеся управлять течением воды и разработавшие самые разные средства передвижения, уже давно забыли о хозяйке реки. О той богине, что стережёт благословенную воду и мост - незаменимое сооружение для всех, кто пересекает реку.

Наступив на неё, человек ранил не только её тело.

Тот голос, который испускало горло Хасихиме, звучал тонко и слабо.

— Это же надо - наступить на обратившуюся змеей богиню...

Ёсихико стоял на берегу реки Сэта, оставив Хасихиме страдать от больной поясницы в святилище.

Из школьных уроков Ёсихико смутно помнил, что Сэта — единственная река, вытекающая из озера Бива и впадающая в море, и что в своё время она была важнейшей столичной артерией и имела огромное военное значение. Вроде бы около неё разворачивалось немало сражений.

Рядом описывал плавную дугу выкрашенный в жёлтый цвет мост Сэта-Карахаси, один из трёх знаменитых мостов Японии. Перила его венчала крупная бижутерия, которая на фоне осенних листьев вокруг навевала поэтические чувства.

— Ого, какая необычная лодка, — сказал усевшийся рядом Когане, провожая взглядом проплывающий челнок.

Белое судно, в котором плыл молодой парень, выглядело длинным и настолько узким, словно его сделали как раз по ширине человека. Низкие борта лодки почти не поднимались над пенящейся водой. Парень старательно работал веслом, и лодка быстро двигалась вперёд.

— Это лодка для гребли. Я не эксперт, но на них устраивают гонки.

После каждого взмаха веслом лодка перемещалась на значительное расстояние, словно скользя по водной глади. Ёсихико провожал её взглядом, и тут заметил, что на спине футболки, в которую одет парень, написано название одного Киотского университета, а также фамилия.

— Так это университетская секция гребли?..

Ёсихико не знал, что университетские гребцы тренируются здесь. Впрочем, если подумать, хоть они и находятся в префектуре Сига, от центральной Киотской железнодорожной станции сюда можно добраться на электричке за 10 минут. Это вполне разумное место для базы тренировок.

— Лодка не для переправ и не для грузов, но только и исключительно для гонок?.. — Когане разглядывал судно, наострив от любопытства уши.

Похоже, каждый день преподносит лису-затворнику нечто новое.

— Кстати, Когане, а ты, оказывается, знаменитость. И госпожа Окё тебя моментально опознала, и Хасихиме сразу спросила, уж не Хоидзин ли ты. Я правильно слышал, что ты относишься к самым древним богам?

Сам Ёсихико не знал даже того, что на территории храма Онуси есть посвящённое Хоидзину малое святилище, но тот, оказывается, на удивление известная в божественной среде личность.

— Я, конечно, не способен вызывать своей силой катаклизмы, но действительно стар и к тому же повелеваю направлениями, границами проживания на этих землях. Я уже как-то говорил, но в те времена, когда направления почитали и считали, что они могут принести удачу, люди относились ко мне с почтением. Та эпоха ушла, моя сила уменьшилась, и я отошёл от дел, но имя моё до сих пор более-менее известно.

Когане сделал такой упор на словах «более-менее», что Ёсихико скопил на него кислый взгляд.

— ...Прости, что я про тебя не знал, что ли.

Конечно, Ёсихико испытывал неловкость перед «более-менее» известным богом, но его в школе не учили тому, что направления могут приносить удачу.

Ёсихико перевёл взгляд с Когане на реку и заметил, что совсем рядом к югу от них находится лодочная станция. В большом проёме со стороны реки виднелись ряды лодок. От них к реке пролегали доски, чтобы на лодки удобнее было садиться.

— Университет... — пробормотал Ёсихико, глядя на группу парней, отдыхающих и разминающихся перед входом на станцию.

Ещё пару лет назад Ёсихико был таким же студентом, как и они, но сегодня эти дни казались страшно далёкими. Ныне у него почти не осталось друзей, а единственная радость в жизни — играть с Хитокотонуси в онлайн-игры, но в своё время, когда он состоял в университетской секции, та приносила в его жизнь немало смысла.

— Кстати, мне вчера пришла открытка от одногруппников, с которыми я состоял в бейсбольной секции...

Сейчас Ёсихико слишком стеснялся куда-либо идти, поэтому просто бросил открытку в ящик стола, не читая. Наверняка, если бы он пошёл на встречу одногруппников, то быстро сбежал бы домой, подгоняемый нахлынувшим чувством собственной ущербности. Он ведь даже не рассказывал одногруппникам, что бросил бейсбол из-за повреждённого колена.

— Это случайно не он наступил на Химе?

Пока Ёсихико предавался жутким размышлениям о том, что произошло бы, приди он на встречу одногруппников, Когане указал покрытой белым мехом передней лапой на одного из студентов.

Тот как раз сошёл с лодки и разговаривал с похожей на менеджера клуба студенткой. Он носил футболку с короткими рукавами, позволяющими оценить накачанные мышцы, на спине которой действительно написана фамилия «Юки». От того, как этот парень непринуждённо беседовал с менеджером, Ёсихико невольно вспомнил студенческие годы. И девушку, приславшую открытку...

Это улыбающееся создание зовут...

Ёсихико закрыл глаза, выбрасывая из головы посторонние мысли. Сейчас лучше думать о том, как выполнить заказ.

— ...Вся секция гребли должна быть наказана из-за его оплошности?

Ёсихико переключил свои мысли и вздохнул. Вдоль побережья Сэты проложен довольно оживлённый тротуар — на нем нетрудно заметить и бегунов, и гуляющих с собаками людей. Хасихиме тоже отчасти виновата в том, что отдыхала в таком месте.

— Нельзя ли наказать одного Юки? — спросил Ёсихико, поворачиваясь к Когане.

Не то, чтобы он пытался защитить секцию гребли, просто просьба богини показалась ему несправедливой. Может, Хасихиме простит Юки, если тот как следует извинится и сделает для неё компресс?

— Ёсихико, ты опять неправильно понимаешь богов, — Когане прищурился и посмотрел на Ёсихико. — Люди часто считают богов нелогичными созданиями. Это связано с тем, что боги рассматривают людей в целом, редко заостряя внимание на конкретных личностях. Скажем, не будь ты лакеем, я бы рассматривал тебя лишь как опадающий листок огромного дерева. Есть боги вроде Хитокотонуси-но-оками, которые стараются поддерживать людей, но лучше считай их исключениями.

Когане прокашлялся, а затем продолжил:

— В своё время люди жили в страхе перед богом Кинрюсином, который в ответ на оскорбления в свою сторону убивал не только нахала, но и семерых его родственников. Если в семье не набиралось семерых, он убивал соседей. Говорят, он орудовал огромным топором, что отнимал по семь жизней за взмах. Возможно, людям кажется, что он убивал непричастных, но с точки зрения бога все они — такие же люди.

— Ничего себе неожиданность... — Ёсихико нахмурился.

Ладно ещё семья, но разве можно убивать кого-то просто потому, что он живёт по соседству с провинившейся личностью?

— Ты хочешь сказать, что и Хасихиме по той же причине потребовала не наказать одного Юки, а избавить её от всего клуба?

Когане кивнул.

— Им нужно благодарить её за то, что она решила довольствоваться их переездом. Обладай Химе своей былой силой, все они уже покоились бы на дне реки, — обронил Когане поистине жутковатую фразу, заставив Ёсихико вздрогнуть.

— Значит, если я приведу ей Юки, и он извинится, она не простит его, да?.. — сказал Ёсихико, бросая быстрый взгляд на святилище Хасихиме.

Если на то пошло, абсурдно требовать от Ёсихико убрать с реки секцию гребли. На такое он в одиночку не способен. Чтобы подать запрос в университет, ему нужна веская причина и подписи жильцов этого района, иначе его сразу отфутболят, не говоря уже о том, насколько это утомительный процесс, которым Ёсихико совсем не хотелось таким заниматься.

— Химе потребовала от тебя именно заставить клуб гребли уйти. Если бы она могла ограничиться лишь извинениями, то с самого начала попросила бы именно притащить ей обидчика.

Аргумент Когане оказался настолько непробиваемым, что Ёсихико только и смог, что ответить:

— Да уж...

Обронив эти тяжёлые слова, он почесал голову. Может, одного Юки ему ещё удастся убедить, но всю секцию это перебор. Нельзя ли как-то уговорить Хасихиме на послабление?

— Извините... — пока Ёсихико глядел на водную гладь и всерьёз раздумывал над тем, не помочь ли компрессом и не послать ли симпатичного жреца для чтения молитвы, со спины вдруг послышался голос. — Вы хотите вступить в секцию?

Ёсихико обернулся и увидел перед собой дружелюбной улыбкой той самой девушки-менеджера, что недавно разговаривала с Юки. В отличие от спортсменов, она носила футболку темно-синего цвета с небольшой надписью «Хараока» в районе груди. Её волосы доходили до плеч и блестели от лака.

— А, нет, вы ошиблись, — Ёсихико быстро замотал головой. — Я ведь даже не студент.

— Э, вы серьёзно?! Прощу прощения! Вы так засматривались на станцию, что я...

— Ничего страшного, это я извиняюсь за недопонимание.

Ещё какое-то время они стояли, склонив головы, а затем Ёсихико натянуто улыбнулся и вновь посмотрел на реку. Он, конечно, не думал, что его примут за студента, но его это совершенно не расстроило.

— Я никогда не видел такие лодки вблизи, вот и засмотрелся... — решил поддержать он разговор довольно вялой фразой.

С другой стороны, он несколько не соврал.

Хараока поравнялась с Ёсихико и тоже посмотрела на гребцов. Сейчас по реке как раз плыла лодка, которую в движение приводили целых девять человек, из которых восемь дружно работали вёслами.

— Эта называется восьмёрка. Лодкой управляют девять человек: один командует, восемь гребут. Этот вид спорта считается самым красивым из всех гребных, и наш университет стремится занять первое место в национальных соревнованиях.

— Девять человек в одной лодке... — пробормотал Ёсихико, глядя на судно.

— Вы ведь тоже спортсменом были? — непринуждённо улыбаясь, спросила ничего не знающая о Ёсихико Хараока.

Ёсихико засомневался, но всё же с натянутой улыбкой ответил:

— Бейсболистом в своё время.

Ему показалось, что правое колено скрипнуло.

— Бейсболом?! Так вы тоже выступали в команде из девяти человек!

Жизнерадостная улыбка Хараоки проникла в самые глубины воспоминаний Ёсихико. Видимо, это почувствовал даже от скуки водивший ушами Когане, потому что он вдруг посмотрел на Ёсихико.

— Хараока-а! — позвал девушку один из спортсменов у входа на станцию, махая рукой.

Хараока кивнула Ёсихико и побежала обратно, на ходу отзываясь громким «бегу-у».

Часть 2

Пусть в студенческие годы Ёсихико спал почти на всех парах, каждый день он исправно приходил на занятия секции. В те времена он был полон сил, и даже после окончания тренировок каждый вечер развлекался с приятелями. Вместе со своими товарищами они ездили на барбекю, готовили ларёк к культурному фестивалю, и неудивительно, что благодаря этому у Ёсихико появилась девушка: миниатюрная особа, работавшая менеджером бейсбольной секции.

Она сама призналась ему в любви, да и сам Ёсихико интересовался ей, так что встречаться они начали практически сразу. Правда, в те времена Ёсихико так увлекался дружбой с товарищами по клубу, что влюблённым редко когда удавалось ходить куда-либо вдвоём. В памяти Ёсихико остались лишь разговоры по делу в клубе и переписка на телефоне — воспоминаний о том, что они с ней куда-то ходили, почти нет. После окончания учёбы пути разошлись, и работа поглотила их с головой. Они начали отдаляться друг от друга, и отношениям пришёл закономерный конец.

Конечно, она была не самой роскошной девушкой, но Ёсихико очень нравились её обаятельная улыбка и непринуждённые жесты.

— Блестящих идей не появилось? — спросил сидевший на кровати Когане, вылизывая шерсть.

Весь день Ёсихико думал над тем, как исполнить заказ Хасихиме, но в итоге попросил дать ему время и вернулся домой. С учётом того, что от дома до её святилища всего полчаса езды на электричке, он мог примчаться по первому же зову.

— Всё ещё думаю...

Ёсихико смотрел на открытку, лежавшую перед ним на столе. Он и подумать не мог, что работа над этим заказом вдруг наведёт его на мысли о бывшей девушке. Ёсихико понятия не имел, где она сейчас и чем занимается, но хлопотливая работа посредницей для бывших однокурсников — это как раз в её стиле. В частности — то, что она в век повсеместного распространения электронной почты не поленилась разослать открытки.

Кратко вздохнув, Ёсихико перевёл взгляд на компьютер. Сразу после возвращения с Сеты он залез в поисковики, но, конечно же, не нашёл ни хорошего способа заставить гребцов покинуть реку, ни идей о том, как усмирить гнев Хасихиме. Единственное, что он отыскал — несколько сайтов с легендами по запросу «мост Сэта-Карахаси».

— «Как Таваратота Хидесато сколопендру истребил»?.. — прочитал Ёсихико, придвинувшись к монитору.

Эта легенда гласила о том, что в своё время один воин откликнулся на просьбу богини-дракона, жившей под мостом Сэта-Карахаси, и прикончил огромную сколопендру на горе Миками. Скорее всего, эта богиня-дракон — как раз Хасихиме.

— Ничего себе, какая Хасихиме известная, даже легенды о ней пишут.

Ёсихико листал сайт, подперев рукой подбородок. Может, сейчас она и обитает в крохотном святилище, но недаром же эту богиню прозвали Королевой Драконов.

— Какая сколопендра? Та, что с горы Миками? — спросил услышавший бормотания Ёсихико Когане, упёршись передними лапами в стол.

— Угу. Тут говорится, что её убил человек по имени Таваратота Хидесато... это выдумка?

Может, он просто случайно раздавил жучка, а потом историю раздули до того, что в ней появилась гигантская сколопендра? К тому же трудно поверить, что Хасихиме просила людей о

помощи.

— Нет, это правда. Я и сам слышал эту историю, — Когане положил челюсть на стол и указал мордой на экран монитора. — В своё время этого Таваратоту Хидесато звали Фудзивара-но-Хидесато, под этим именем он убил Тайру-но-Масакадо[□]Самурай эпохи Хэйан, поднявший восстание против Киото..

— Э? — Ёсихико ошеломлённо повернулся к Когане, вдруг услышав хорошо знакомое имя. — Тайру-но-Масакадо? Того самого Масакадо?!

— Именно. Я всегда считал, что в истории ты слаб, но имя Масакадо тебе знакомо?

— Какое там знакомо, Масакадо весьма знаменит даже сегодня!

Говорят, его голова закопана в Токио. Об этом жутковатом месте рассказывают и в журналах, и по телевизору. Но, если честно, имя Фудзивары Хидесато Ёсихико слышал впервые.

— Говорят, он даже в молодости был великолепным воином. Хасихиме заметила это и попросила его убить сколопендру.

Ёсихико увидел в этих словах свет надежды и на радостях схватился руками за щеки Когане.

— Так это же значит, что Хасихиме прислушается к просьбе Хидесато?!

— Эй, прекрати чесать мне горло!

— Почему бы нам не отыскать этого Хидесато? Ты ведь известный бог, Когане, позови нам его.

— Я же сказал, хватит меня гладить!

Когане вырвался из хватки Ёсихико и отряхнулся, словно выбравшись из воды.

— Хидесато уже тысячу лет как мёртв! Никакой Хоидзин не может вызвать мертвеца из мира духов! И вообще, с какой стати я должен таким заниматься? Это ведь тебе поручили заказ!

— Да, ты прав...

Выслушав хлесткий ответ, Ёсихико обессиленно растёкся по стулу. Неудивительно, но так просто отделаться не получилось.

— И вообще, не забывай, что ты ещё не выполнил мой заказ! Я сижу здесь вовсе не для того, чтобы помогать тебе!

— Да-да, знаю-знаю.

— Что это за тон?! И вообще, мне кажется, твоё почтение ко мне...

— О, сообщение от Хитокотонуси!

— Гр-р-р-р! Ты меня вообще слушаешь?! — взревел Когане, пока Ёсихико открывал социальную сеть.

«Когда злится богиня, это всегда тяжело. Удачи».

— ...Эх, отстранился от проблемы, — протянул Ёсихико.

Он надеялся обсудить с Хитокотонуси проблему, но в итоге так и не нашёл никаких зацепок. Возможно, стоит задать вопрос, что делать в такой ситуации, всезнающему интернету.

За спиной о чём-то причитал Когане, а Ёсихико вздохнул и вновь уставился в монитор, за неимением других вариантов вбив в поисковик «Фудзивара Хидесато».

Глубокая ночь.

Ёсихико пробудился, словно вдруг всплыв со дна на поверхность воды, и какое-то время рассматривал до боли знакомый потолок.

Он так и не придумал, что ему делать, и в итоге случайно заснул, разлѣгшись на кровати. В комнате царила непроглядная темень, а в ногах Ёсихико разлѣгся и занимал немало места лежащий животом кверху и посапывающий Когане. Похоже, лис день ото дня становился всё бесстыжее. Часы у изголовья кровати сообщили, что сейчас 2 часа 44 минуты.

— ...Какое неприятное время...

Мало того, что четвёрка — вообще цифра зловещая[□]Как известно, одно из чтений иероглифа «четыре» в японском созвучно со словом «смерть»., свою роль сыграло и то, что днём Ёсихико расспросил Когане об усинококу-маири, а слово «усинококу» как раз обозначает промежуток между 1 и 3 часами ночи.

Кое-как подавив неприязнь, Ёсихико решил снова заснуть, но вдруг услышал странный звук и вновь открыл глаза.

За дверью его комнаты раздавался такой звук, будто кто-то тащил по полу что-то тяжёлое. Чаще всего доносились звуки трущейся ткани, но иногда они перемежались глухим стуком, словно кто-то что-то ставил на пол. Сначала звуки исходил со стороны лестницы, но подступал всё ближе.

— ...Что это?

Ёсихико неспешно откинулся с постели и посмотрел на дверь. В такое время вся его семья должна спать. И даже его младшая сестра отлично знала о том, что плохой сон — злейший враг красоты, и допоздна почти никогда не засиживалась.

Сонливость резко отступила. Ёсихико встал с кровати, стараясь не издавать ни звука, и вытащил припрятанную под кроватью бейсбольную биту. Он никогда не думал, что вновь возьмётся за неё, и уж тем более, что она потребует к нему в качестве оружия.

— ...Что такое? — зевая, спросил Когане, проснувшийся от движений Ёсихико.

Ёсихико приставил указательный палец к губам, прося вести себя тише, а затем повёл подбородком, указывая на дверь.

— Там кто-то есть, — кратко сообщил он и подкрался к двери.

Маньяк? Грабитель? Хорошо, если он просто пришёл обокрасть их, но не дай бог собирается ещё и семье навредить. Но вдруг Ёсихико задумался — звуки, доносившиеся с другой стороны двери, не похожи на человеческие шаги.

Шаги не должны быть такими громкими. Это именно звук трения ткани о пол. А периодически раздающийся стук... на что он похож?

— ...Когти, — тихо озвучил спустившийся с кровати Когане опасения, поселившиеся в груди Ёсихико. — Это же стук когтей о пол?

— Э...

От попытки представить, что происходит, у Ёсихико мурашки по всему телу пробежали.

Что-то ползёт.

Ползёт и трётся о пол.

Постепенно двигается по полу, цепляясь когтями.

— Это... человек?..

Сейчас усинококу. Демоническое время, в которое правят бал силы зла.

Когане не ответил на хриплый голос Ёсихико, но внимательно всмотрелся в дверь.

Звук трения подобрался к самой двери комнаты Ёсихико и неожиданно остановился.

В воздухе повисло напряжение — Ёсихико и незваного гостя разделяла лишь дверь.

Ёсихико вдруг понял, что его руки, вцепившиеся в биту, дрожат. Они совершенно окаменели и не слушаются приказов.

— Это же... — обронил Когане, но Ёсихико даже не услышал.

Наконец, ручка медленно повернулась, и дверь беззвучно отворилась.

Из тьмы выплыла бледная напряжённая ладонь, цеплявшаяся ногтями за пол.

За ней — лицо, сокрытое длинными, чёрными, растрёпанными волосами, между которых выглядывали налитые кровью глаза.

— Гья-а-а-а-а, убиваю-ю-ю-ют! — завопил Ёсихико, не в силах даже замахнуться битой. — Откуда у меня дома призрак?! Я что, проклятую кассету посмотрел?!

Ёсихико запаниковал, но Когане попытался одёрнуть его:

— Ёсихико, остынь. Приглядиись.

— Я и так гляжу! Хорошо гляжу! Можно я лучше не буду глядеть? — от страха Ёсихико даже начал ехидничать.

Когане сокрушённо вздохнул.

— Никакой это не призрак. Это Хасихиме.

— Хаси... э... Хасихиме?

Немного придя в себя и ещё раз окинув взглядом гостью, Ёсихико разглядел между растрёпанными волосами ещё и отметину на лбу в виде цветочных лепестков. Её он опознал довольно быстро.

— Как ты посмел спутать меня с призраком?.. — Хасихиме посмотрела на Ёсихико, тяжело дыша.

— Ещё бы я тебя не спутал, когда ты так появляешься!

— Я приложила столько усилий, чтобы прийти сюда, несмотря на больную спину, а ты смеешь оскорблять меня?!

— Ну, просто...

Ёсихико попытался было оправдаться, но тут в его поле зрения попала ещё одна фигура. Он поднял взгляд и содрогнулся ещё сильнее, чем в тот момент, когда увидел Хасихиме.

— Просто только кошки сношаются... — в дверях стояла одетая в пижаму сестрёнка Ёсихико, очень злая от того, что её разбудили, и смотрела на Ёсихико. — Заткнись и ложись спать, придурок!

— У тебя не сестра, а демоническая богиня какая-то, — шёпотом высказал свои впечатления Когане после того, как дверь закрылась.

— Со словом «демоническая» полностью согласен.

Кое-как извинившись и уговорив сестрёнку вернуться к себе, Ёсихико поднял Хасихиме с пола и уложил на постель. Она жаловалась на боль при каждом движении, так что он старался действовать максимально осторожно.

— И вообще, зачем ты пришла? Если у тебя болит спина, то и сидела бы тихонько в молельне.

Неужели она ползла сюда всю дорогу от святилища? Ёсихико считал, что боги умеют при необходимости летать или телепортироваться.

— Тот гребец Юки вновь повёл себя недостойно в моем присутствии! — Хасихиме скривилась, поглаживая поясницу. — Я не собираюсь мириться с этим! Я так разозлилась, что сама не

заметила, как пошла к тебе домой. По пути меня несколько раз едва не переехали автомобили...

— Так ты всё-таки ползла?..

— Лучше скажи, ты ещё не придумал, как прогнать клуб гребли?! — в ярости спросила Хасихиме, и Ёсихико не нашёлся с ответом.

Не может же он сказать ей, что лёг спать, так ничего и не придумав.

— Мы изо всех сил думаем над этим... — ответил вместо него Когане, подошедший от двери к кровати и усевшийся на её край. — Чем тебя на этот раз прогневал человек?

После этого вопроса Хасихиме опустила взгляд и прикусила губу.

— ...лся.

— Э? — переспросил Ёсихико, не расслышав ответа.

Хасихиме подняла взгляд и недовольно посмотрела на него.

— Он целовался! Прямо перед моим святилищем, с той девушкой-менеджером!

Её слова изумили Ёсихико, но не по той причине, на которую рассчитывала Хасихиме.

— О-о, так они встречаются?

— Мне это не важно! — Хасихиме схватила Ёсихико за рубашку левой рукой. — Это серьёзный проступок! Мало ему было наступить на меня, он ещё и целуется рядом с божественной обителью!

— Парень чмокнул девушку, всего-то, — Ёсихико протяжно вздохнул.

Разве поцелуй стоит того, чтобы разводить такой скандал? Поскольку Ёсихико и сам в своё время встречался с менеджером секции, то понимал чувства парня.

— Как ты смеешь говорить такие постыдные вещи?! Свидания мужчины и девушки должны проходить скромнее!

— Хасихиме, — тихо обратился к ней Когане, когда та принялась трясти Ёсихико на удивление

крепкими руками. — Разве пристало Королеве Драконов Оомитами так раздражаться от безобидных проделок людей? Это всё равно что думать о судьбе упавшей дождевой капли.

— Это потому...

Хасихиме ослабила хватку, и Ёсихико воспользовался возможностью осторожно разжать её ладонь. Затем он посмотрел точно на Хасихиме, которая так и не придумала себе оправдания.

— Ты знаешь, я тут почитал легенду о том, как Таваратота Хидесато сражался с огромной сколопендрой...

Хасихиме тихо ахнула, услышав это имя.

— Я правильно понял, что он повстречался с девушкой, что попросила его истребить чудовище, когда она обратилась змеей, а он случайно наступил на неё?

Этот элемент истории сразу привлёк его внимание. Больно он похож на возникшую ситуацию. Однако если Хасихиме прониклась храбростью Таваратоты Хидесато и поручила ему расправиться со сколопендрой, к Юки она пропиталась лишь ненавистью. Да такой, что попросила наказать весь его клуб.

— Ты точно разозлилась на Юки потому, что он наступил на тебя?

Когда Ёсихико задал этот вопрос, Хасихиме мучительно вздохнула, не смотря на него. Её глаза слегка взмокли.

— Я так давно не слышала это имя... — тихо обронила она, а затем неожиданно начала рассказывать: — На то время моя красота считалась несравненной даже по меркам морских богов, и многие небесные и земные божества просили моей руки...

Ёсихико показалось, что она говорила о тех временах с какой-то гордостью, но он промолчал и продолжил внимательно слушать.

— Это тогда на меня положила глаз огромная уродливая сколопендра с горы Миками. Он приползал к мосту Карахаси каждую ночь и уговаривал стать его женой. Конечно, я ни за что не согласилась бы стать супругой создания, пожравшего всю рыбу в озере Бива и делавшего вид, что ему никто не указ... — Хасихиме покачала головой, вспоминая минувшие дни.

— Если ты так ненавидела его, то почему не прогнала сама?

Ёсихико уселся на стул у стола и подпёр щеку локтём. Он думал, что уж Королеве Драконов должно хватить на такое сил.

Однако в ответ Хасихиме бросила на него краткий взгляд и разочарованно вздохнула.

— Ничего ты не понимаешь в девичьих сердцах.

— Девичьих сердцах?

— Кому же понравится девушка, которая злится на всех мужчин, приглашающих её замуж, и даёт им от ворот поворот? Каждой женщине хочется, чтобы её защищал сильный мужчина.

Ёсихико не нашёл, что ответить на её укоризненный взгляд, и скосил глаза в сторону. Неужели мысли богини могут быть настолько человеческими? Скользнувший в сторону взор случайно наткнулся на до сих пор не убранную открытку, и сердце Ёсихико ёкнуло.

— И всё же я не хотела просить о помощи богов, что пытались завести со мной отношения. Ведь попроси я одного из них, и мне однозначно пришлось бы стать его женой...

— И тогда ты положила глаз на человека? — спросил Когане, и Хасихиме медленно кивнула.

— Сколопендры ненавидят человеческую слюну. Я подумала, что это мой шанс. Найти храброго воина среди людей. Попросить о помощи, пообещать в награду драгоценный камень...

Тогда Хасихиме обратилась большой змеёй и легла на мост Сэта-Карахаси. Многие люди пугались её вида и обходили мост стороной, но нашёлся храбрец, который смело прошёл по мосту, по пути наступив на змею. Его звали Фудзивара Хидесато.

— Дорогой Хидесато оказался доброй и достойной личностью. Тем же вечером я пригласила его к себе. Он ухаживал за мной, кормил тёплой едой, и даже посочувствовал, когда я рассказала ему о своём положении. Когда я созналась, что он наступил именно на меня, он много раз почтительно извинялся и справлялся о моем самочувствии.

Впервые в своей жизни Хасихиме общалась с человеком.

Она видела множество людей, проплывавших по реке Сэта, но до того дня она воспринимала их лишь как ветерок, который дует круглый год, лишь изменяя свою температуру. Конечно, в те времена её почитали и прославляли куда больше, чем сейчас, но в тот день она впервые говорила с человеком с глазу на глаз.

Когда Хасихиме похвалила Хидесато за храбрость, тот смущённо улыбнулся.

И почему-то от его улыбки у Хасихиме заныло сердце.

Но тогда она сделала вид, что не заметила то чувство.

— Хидесато с радостью согласился выслушать мою просьбу и сразился со сколопендрой так блистательно, что иной мог принять бы его за бога. Я ни с чем не могу сравнить ни мужество его, ни изящество. И могучие руки его, которыми он натягивал тетиву, и горящие целеустремлённостью глаза, и даже капли пота, стекающие по лицу — всё в нём для меня стало чем-то особенным...

Хасихиме даже сейчас помнила ту битву в мельчайших подробностях.

Вплоть до выражения лица Хидесато, с которым он целился во врага. Вплоть до цвета его одежды. Вплоть до того, как именно он загибал пальцы, державшие стрелу.

Пусть в тот день Хидесато сражался не на жизнь, а на смерть, Хасихиме всё равно почти что хотелось, чтобы та битва продлилась вечно.

— ...После того, как он сразил сколопендру, я, как и обещала, наградила его божественным драгоценным камнем, и Хидесато вновь вернулся в мир людей, чтобы посвятить свою жизнь войнам... не раз и не два я думала о том, чтобы посетить его, но Королева Драконов не может так просто навеститься к человеку в гости... а после всех сомнений я однажды услышала, что дорогой Хидесато, как и положено человеку, обзавёлся женой и детьми... — тихо проговорила Хасихиме и опустила взгляд. — Когда на меня наступил Юки, я невольно вспомнила о тех временах. Вспомнила, что когда я была молодой, прекрасной, полной сил богиней, то не смогла сказать такие важные слова. Вспомнила о тех чувствах, что заточила в глубине своей души, полагая, что богине нельзя мечтать о таком, а на людей следует смотреть, как на капли дождя.

С этими словами Хасихиме приставила к лицу ладони.

— С того самого дня, как на меня наступил Юки, я места себе не нахожу и мучаюсь от сожаления, бесконечно спрашивая себя, почему в тот раз ничего не сказала. Ах, если бы я смогла, то сейчас не сходила бы с ума от всех этих мыслей!..

Пусть даже они бог и человек, но стену эту можно было преодолеть.

Ей даже не нужна была длинная речь. Всего одна фраза:

«Я влюблена в вас»...

— Если бы Юки не наступил на меня, моя голова не разрывалась бы от таких мыслей. Если бы он не наступал на меня... если бы взгляд его не напоминал мне о дорогом Хидесато, выводя меня из себя!.. Если этот человек, что наступил на меня, больше никогда не подойдёт к моей реке, я вновь смогу успокоиться!..

Когда Хасихиме закончила исповедь, Ёсихико медленно и протяжно вздохнул.

— Так вот в чём дело...

Очень многое, наконец, встало на свои места. Её рассказ объяснял и ненависть, которую Хасихиме питала к Юки, и её зависть по отношению к влюблённым.

Ёсихико ещё раз бросил взгляд на открытку. До сих пор они с его девушкой так и не сказали друг другу, что между ними всё кончено, и поэтому Ёсихико, как и Хасихиме, страдал от того, что не мог сказать нужные слова. И виновата в этом его собственная узколобость, из-за которой он молча отдалился от девушки. До сих пор он успокаивал себя тем, что у них просто не было возможности поговорить друг с другом, но, возможно, это просто оправдание, которое Ёсихико придумал, чтобы избежать хлопот.

В голове снова ожила улыбка той девушки, и Ёсихико замотал головой.

Возможно, если бы они в своё время поговорили друг с другом и раскрыли свои чувства, всё сложилось бы по-другому.

— Но всё-таки, я понял бы, случись это в эру расцвета богов, но влюбляться в человека тысячу лет назад?.. — Когане покачал головой.

Хасихиме вздохнула с удручённым видом.

— Я и сама понимаю, что это стыдно... именно поэтому и не смогла признаться ему...

— Стыдно? С какой стати? — вдруг вмешался Ёсихико, и сразу поймал на себе недовольные взгляды Когане и Хасихиме.

— Тебя что, ничего не смутило в её истории? Или ты думаешь, что людям и богам дозволено вступить в любовную связь? — спросил Когане.

Ёсихико, все ещё подпирая ладонью щеку, посмотрел в золотистые глаза лиса.

— Не знаю насчёт «связи», но что постыдного в том, что Хасихиме влюбилась в Хидесато? С какой стати ей должно быть стыдно за любовь? — после этих слов Хасихиме удивлённо вскинула голову. — Просто ты влюбилась в обычного человека. Любовь — такая вещь, ей не прикажешь. В противном случае я бы и сам...

Ёсихико затих и не смог договорить.

Если бы любовь подчинялась приказам, сейчас у него наверняка была бы девушка. А возможно он уже нашёл бы себе другую прекрасную половинку, которая бы отлично подходила ему.

Но не именно ли этот смысл люди вкладывают в слово «любовь»?

Не потому ли влюбляются, что не могут ей приказывать?

Ёсихико изо всех сил старался подобрать слова.

— Я полагаю, что любить кого-то — это счастье...

А уж если этот человек отвечает на твои чувства, то это и вовсе стоит назвать чудом.

Хасихиме приоткрыла рот, словно желая что-то сказать, но не смогла и вновь опустила взгляд.

— ...Ты хочешь сказать, что людям во благо влюбляться в капли дождя и опадающие листья? — изумлённо спросил Когане.

Ёсихико перевёл на него взгляд и ответил:

— Ты не понимаешь, Когане, — с этими словами он открыл ящик стола и принялся в нем рыться.

Когане всегда казался ему твердолобым типом, но чтобы настолько?

— Сердце не слушается логики.

От этих слов Когане повёл ушами и закрыл рот.

— Хотя, конечно, чувства Хасихиме я тоже понимаю...

В конце концов, Юки и правда можно назвать наглецом. Что же нужно сделать, чтобы довольными остались и боги, и люди? Вряд ли с того света удастся вызвать Хидесато, чтобы Хасихиме всё-таки донесла до него свои чувства.

— Давайте лучше спать. Завтра подумаем.

Часы у изголовья показывали уже половину четвёртого. Вряд ли в такой час в голову может прийти толковая мысль. Ёсихико подавил зевету, а затем протянул Хасихиме вещь, которую достал из ящика.

— Что это?.. — удивлённо спросила Хасихиме, поднимая взгляд на Ёсихико.

— Компресс. Мне его дали, когда я повредил колено. Приложи к пояснице, — после этих слов Ёсихико окинул взглядом неподвижно лежащую Хасихиме. — Или лучше давай я наложу?

Однако в таком случае ему придётся снять с неё кимоно.

— О-о чём ты думаешь, нахал?! — тут же закричала Хасихиме, угадав его мысли.

— Так я и думал.

Конечно, он и не планировал до неё домогаться. Ёсихико низко поклонился, затем взял с кровати одеяло и улёгся на пол, положив под голову подушку от дивана.

— Спокойной ночи.

Пол, конечно, холодный, но ничего страшного. Не может же он просить больного человека спать на полу. Мозг самого Ёсихико уже всю буксовал после стольких размышлений.

Когане протяжно вздохнул, а затем свернулся калачиком на полу, уткнувшись носом в пятку Ёсихико. Уже скоро оба они засопели, и лишь Хасихиме ещё долго смотрела на компресс, который дал ей Ёсихико.

Часть 3

За тот долгий исторический промежуток, о котором знает Когане, люди много раз воевали друг с другом за власть. В то самое время, как расцветала их культура, многих людей приносили в жертву. Стоило привыкнуть к лицам прихожан, как уже после небольшой дрёмы оказывалось, что их уже нет в этом мире, а святилище посещают другие. Люди не задерживаются в этом мире — они с самого рождения плывут к смерти по течению судьбы. Поэтому вечные боги по сравнению с ними — принципиально иные создания. Между людьми и богами нет ничего общего.

Из эпохи расцвета богов, когда грань между ними ещё не была такой чёткой, сохранились истории о том, как люди и боги связывались друг с другом узами. Однако сейчас черта проведена слишком глубоко и слишком отчётливо.

«Сердце не слушается логики».

Эти слова вдруг пришли на ум Когане, и он открыл глаза.

Сквозь занавески уже пробивался тусклый свет — мир встретил очередное утро. Рядом лежал замотавшийся в покрывало Ёсихико и беззаботно посапывал.

Хоидзин по своей сути создание сугубо логичное. Будучи главой направлений, Когане имел в своём подчинении с дюжину добрых и злых богов, способных проклясть человека, ступившего на неверный путь. Направления благоприятные и неблагоприятные определяются временем года, а также сочетанием воли различных богов. Если не держать в голове эти основы, не получится направлять людей так, чтобы они избегали неблагоприятных дорог. С точки зрения самих богов, включая Когане, в этом нет ничего сложного, однако люди, стремящиеся истолковать свои неудачи и бедствия, придумывали всё более сложные правила. В конце концов, в эпоху Хэйан появились даже специалисты-оммёдзи, которые взяли на себя эту работу.

Может, сердце и не слушается логики, но для Когане логика — основа существования. Именно она позволила ему снискать уважение и почёт людей.

Когане поднялся и вытянул лапы.

— ...Не можешь заснуть на непривычной постели? — спросил Когане, и лежавшая на кровати Хасихиме заворочалась.

— Дело не в этом... просто я думала, — Хасихиме всю ночь смотрела на компресс. — Хоидзин. Я попросила лакея о том, чтобы он заставил клуб гребли покинуть реку. Но почему он дал мне компресс?

Лежавшая на подушке голова Ёсихико съехала и с глухим звуком стукнулась о пол. Однако он не проснулся, а свернулся калачиком и продолжил спать дальше. Из шеи к молитвеннику на столе всё так же тянулась узда.

— ...Почему он с такой лёгкостью уступил мне свою постель? — спросила Хасихиме тише, чтобы не разбудить Ёсихико. — Потому, что я богиня? Или потому, что он пожалел меня?

— Нет... ни то и ни другое, — покачал головой Когане и посмотрел на спящего на полу Ёсихико. — Просто потому, что ему захотелось так сделать.

Если учесть все слова Ёсихико, то дело, скорее всего, в этом.

И это отнюдь не логичный поступок.

— ...Разве люди всегда были такими? — спросила Хасихиме, не вставая с постели.

Когане сел на пол и обвил хвост вокруг задних лап.

— Я и сам лишь недавно вышел из своего святилища, и ещё не успел повстречать много людей. Я не могу говорить за всех, но... — Когане повел ушами, — скорее всего, его выбрали пусть и временным, но лакеем, не просто так.

А может, Когане просто пытался всё объяснить своей логикой.

Снаружи послышалось пение птиц, сообщавших о наступлении утра.

— Когда в древности Великую богиню Аматерасу потребовалось перенести из императорского дворца, две принцессы взвалили её на себя и отправились в путешествие по стране в поисках подходящего для неё места.

Мост Сэта-Карахаси, рядом с которым располагалось святилище Хасихиме, находился в 10 минутах ходьбы от станции Исияма, до которого они доехали на электричке.

— ...Ещё раз, к чему ты?

Ёсихико ненадолго остановился, чтобы поправить сумку и ещё раз взвалить на плечо Хасихиме, а также недовольно посмотреть на Когане, который всё читал непонятную лекцию.

— К тому, что если принцессы таскали на себе богиню много лет, ты смог проходить лишь несколько минут.

— А можешь не сравнивать меня, больного на колено, с людьми древности? И вообще, какие несколько минут, я её от самого дома тащу.

— Но ведь почти всю дорогу мы проехали на поезде.

— Я её и там всё время держал — она заявила, ей сидеть больно! Ты-то всю дорогу пялился в окно, так что, поди, не заметил.

Кроме того, прогноз обещал приближение циклона. Если при выходе из дома этого не ощущалось, то сейчас ветер уже начал усиливаться. Возле магазинов уже появились продавцы, начавшие затаскивать все товары в помещение. Прохожие тоже кутались в одежду с замерзающим видом, а она развевалась на ветру, мешая ходить.

— Ты тащишь не абы кого, а Королеву Драконов, так что не мог бы ходить увереннее? Ты ведь вроде как лакей? Или эта узда тебе для украшения?

— Эй, п-прекрати тянуть! Щекотно же!

Если у Хасихиме что и было в добром здравии, так это рот. Всю дорогу она раздавала указания, которые Ёсихико успешно игнорировал и старался выбирать улочки безлюднее.

— Что-то у меня за спиной так компрессом воняет...

— Это ты предложил наложить, а теперь жалуешься?

— Нет, вовсе не жалуюсь. Ничуть, — раздражённо ответил Ёсихико, продолжая идти в сторону святилища.

Он предполагал, что с утра богиня уйдёт сама, но та заявила, что такими темпами её опять раздавят и попросила отвести. Интересно, относится ли такой уход к работе лакея?

— Бог ветра призывает дождь. Сегодня будет буря, — сказала, глядя в небо, Хасихиме, когда они уже вступили на мост Карахаси.

Ёсихико тоже посмотрел в небо и убедился, что его полностью затянули свинцовые тучи, готовые в любой момент обрушиться на землю дождь. Ветер тоже стал сильнее, и идти по лишённому укрытий мосту удавалось, лишь держась за перила. От ледяного пронизывающего ветра рука, которой он поддерживал Хасихиме, начала костенеть.

— Ай-ай-ай, надо отдохнуть.

Они перешли мост и до святилища оставалось пройти совсем чуть-чуть, но от холода и ветра у Ёсихико разболелось колено, так что он остановился прямо на тротуаре.

— Осталось ведь всего ничего. Терпи и иди.

— Говорить ты, конечно, мастерица, но я до сих пор отказываюсь верить, что сама ты не дойдёшь.

С этими словами Ёсихико обернулся через плечо и вдруг увидел, что Когане резко повёл ушами и развернулся.

— Когане?

Ёсихико перевёл взгляд вслед за лисом и увидел, что весь клуб гребли высыпал ко входу на лодочную станцию и о чём-то шумит, глядя с берега в реку. Ветер усилился уже настолько, что разбивал волны в белую пену и глушил голоса. К тому же стоящего неподвижно человека он пронизывал уже насквозь.

— Лодка?..

Ёсихико проследил, куда смотрят гребцы, и заметил, что на бушующих волнах покачивается белая лодка. Однако внутри неё пусто, зато сбоку виднелся парень, ушедший в воду по голову и отчаянно держащийся за борт.

— Это же... — прошептала Хасихиме за спиной Ёсихико.

Несмотря на расстояние, Ёсихико опознал лицо.

— Юки-и! — кричали остальные гребцы.

Они звали на помощь, и некоторые уже даже бросились куда-то звонить. Похоже, Юки не ожидал, что погода испортится так быстро.

— Это же не на шутку опасно... — обронил Ёсихико, почувствовав подступающее беспокойство.

В такую погоду в середине ноября вода должна быть очень холодной. А если промокшее тело ещё и обдувает столь сильный ветер, то силы быстро покинут его. Даже сейчас Юки хоть и держится за судно, но уже не может сдвинуться. Ветер слишком силен для того, чтобы он мог залезть в лодку или вернуться на берег.

— Хироясу-ку-у-н! — в слезах кричала менеджер Хараока, стоя так близко к берегу, что на неё попадали брызги от волн.

Некоторые гребцы в спешке потащили к воде ещё одну лодку, но остальные быстро остановили их. Если они поплывут в такую погоду, тоже окажутся в беде. В такой ситуации нужны спасательные круги и верёвки, но ветер настолько силен, что их прибывает обратно к берегу. Более того, Юки вообще плыл по центру довольно широкой реки — спасательный круг не долетел бы до него даже в штиль.

— Эй, Когане! Хватит глазеть, сделай что-нибудь! — крикнул Ёсихико.

Пусть он ничем и не обязан Юки, он не мог просто стоять и смотреть.

— Я — Хоидзин. Вода вне моей компетенции. Более того, это даже не мои владения, — равнодушно ответил Когане, продолжая глядеть в реку. — Эта река — пристанище Королевы

Драконов Оомитами.

После этих слов Ёсихико собрался было повернуться к Хасихиме, но вдруг ощутил, что тяжесть на его спине исчезла.

— Э, э?!

Ёсихико тут же замотал головой по сторонам, понимая, что та женщина, которую он тащил всё это время, исчезла. И тогда Хасихиме вдруг появилась рядом с Когане.

— Что за?! И вообще, ты же и сама стоишь! — воскликнул Ёсихико, видя, что Хасихиме держится ровно и уверенно.

В ответ Хасихиме повернулась в пол-оборота и сказала:

— Не шуми, Ёсихико.

От вида её чёрных волос и глаз, словно светившихся голубым светом, Ёсихико на мгновение потерял дар речи, но быстро опомнился и запротестовал:

— При чём здесь шум? Быстрее спаси его!

— Зачем? — сразу же ответила она, вновь ошеломив Ёсихико. — Зачем я должна спасать его? Такая погода, способная утопить в реке людей — не редкость. Он сам виноват в том, что плохо оценил погоду.

— Н-но Хидесато в своё время спас тебя?!

— И я полностью расплатилась с ним, подарив драгоценный камень. Желать чего-то ещё — не что иное, как жадность.

Ёсихико хотел было возразить, но в памяти ожили слова Когане.

Люди для богов — лишь листья, опадающие на ветру.

— Если бы я спасала всех людей, на которых положила глаз, то нарушила бы порядок, заведённый в этом мире. С самого мига своего рождения люди начинают двигаться к смерти. Просто одни доходят до неё раньше, а другие позже. Духи и предтечи ещё могут попытаться вмешаться, но мне, Королеве Драконов, вмешиваться просто нелогично.

Лицо Хасихиме выглядело одинаково прекрасным и холодным. На лбу цвели лепестки

божественной отметины.

— Не забывай, Ёсихико. С точки зрения людей, боги — нелогичные создания, — ледяным тоном закончила она, и Ёсихико окончательно потерял дар речи.

Он видел в её глазах сильное свечение.

Ошарашенно посмотрев на Хасихиме, Ёсихико вновь перевёл взгляд на реку, где увидел уже почти обессиленного Юки. Течение постепенно сносило его вместе с лодкой. Нет ни спасателей, которых должны уже позвать, ни сирены скорой помощи. Ветер гнал такие высокие волны, что любого, попытавшегося добраться до Юки вплавь, наверняка бы смыло. Особенно если это не тренированный пловец, а обычный человек.

Но...

Но всё же.

— ...Как хотите. Я пойду сам.

Ёсихико решился и скинул сумку с плеча.

— Брось, Ёсихико. Ты утонешь вместе с ним, — раздражённо откликнулся Когане.

— Но я же не могу просто стоять и смотреть!

Ёсихико скинул с себя кофту. Порыв ветра сразу же прошёл сквозь тонкую рубашку, заставив съёжиться от холода. Ёсихико не хотел даже думать о том, что произойдёт, когда он опустится в воду. И, тем не менее, он поднял взгляд и посмотрел на реку.

— ...Бывают такие моменты, когда надо не думать, а действовать! — воскликнул Ёсихико и побежал.

— Истинно так, — согласился кто-то.

— Да!.. Э? — Ёсихико затормозил, едва не сорвавшись с лестницы, ведущей к реке, и изумлённо обернулся.

Его взгляд вновь наткнулся на два голубых глаза, смотревших на него ясным взором.

— Я согласна отчасти с теми словами, которые ты только что произнёс, — Хасихиме слегка улыбнулась, глядя на стоящего враскоряку ошарашенного Ёсихико. — Значит, ты говоришь,

что сердце не слушается логики?

— Хасихиме...

Хараока, стоявшая перед лодочной станцией, не замечала Ёсихико и его метаний, и всё продолжала выкрикивать имя возлюбленного. Она надеялась, что слова, заглушаемые ветром, достигнут его.

Хасихиме увидела это, затем её взгляд скользнул к реке, и одетая в выцветшее кимоно богиня воскликнула уже давно не юным голосом, словно насмехаясь над собой:

— Смешно ли тебе, Хоидзин? Смешно ли слышать бредни богини, которую тронули вопли, обращённые к возлюбленному?

Когане не смог засмеяться.

Он не мог ни смеяться, ни журить её.

В следующее мгновение фигура Хасихиме растворилась в облаке дыма, а Ёсихико увидел в небе над рекой Сэта дракона. И в тот же самый миг начался дождь.

Дракон, неожиданно появившийся ниоткуда, казался толще самого моста Карахаси, а каждая из его чешуек - крупнее ладони Ёсихико. С боков его челюсти свисали длинные усы, а лапы венчали четыре когтя, каждый из которых мог с лёгкостью разорвать человека. На лбу виднелась отметина в виде лепестков.

Мудрый взгляд дракона мог принадлежать лишь Хасихиме.

— Королева Драконов Оомитами!.. — на автомате воскликнул Ёсихико, не обращая внимания на дождь.

Несомненно, это та самая богиня, что защищала реку Сэта и мост Карахаси.

И выглядела она настолько величественно, что ноги задрожали и отказались слушаться. Хотелось лишь сложить руки и молиться.

Лазурный дракон неспешно сделал небольшой круг, а затем вдруг резко взревел, обращаясь к серому небу. Глухой рёв наполнил воздух, и Ёсихико ощутил, как по его телу пробежали мурашки. Сразу после этого бушующий ветер начал постепенно затихать. Понаблюдав за результатами своих трудов, дракон неспешно погрузился в реку вниз головой.

Вместе с ветром утихли и волны. Как только фигура дракона полностью скрылась под водой, река вновь потекла, бережно прибывая Юки и его лодку к берегу. Едва это заметили остальные гребцы, как вновь высыпали на берег и начали закидывать верёвки, изо всех сил пытаясь спасти товарища.

— Ничего себе... и правда богиня!.. — возбуждённо обронил Ёсихико, а затем и сам побежал к станции, надеясь чем-нибудь помочь.

— Бредни, говоришь?.. — прошептал глядящий в воду Когане, вслушиваясь в перепуганные голоса людей.

Вскоре послышалась сирена, и к станции подъехала машина скорой помощи.

Часть 4

Ёсихико проводил взглядом успешно вытасченного из воды Юки, которого как раз увозили на скорой, а затем вместе с Когане направился к святилищу Хасихиме. Несмотря на усталость Юки, он смог поговорить с Хараокой, и его жизни вряд ли что-то угрожало. Такой молодой и выносливый парень наверняка быстро поправится.

— ...Как же сегодня холодно.

Из-за дождя Ёсихико промок и озяб настолько, что сразу после этих слов чихнул два раза подряд. Конечно, хорошо, что им удалось спасти Юки, но Ёсихико так и не смог ничем помочь, да ещё и чуть не простудился. Судя по всему, дождь уже скоро закончится, и Ёсихико хотел как можно скорее переодеться.

Когда вновь обернувшаяся человеком Хасихиме увидела чихающего Ёсихико, то бросила на него разочарованный взгляд.

— Ох, какие же люди хилые.

С этими словами Хасихиме, уже уверенно стоящая на своих двоих, ткнула пальцем в лоб Ёсихико. И в тот же самый миг вся вода, впитавшаяся в одежду Ёсихико, резко проступила наружу и пролилась на землю.

— А, что это было?!

Ёсихико испуганно оглядел свою одежду и понял, что та совершенно высохла. Даже волосы, с которых стекала вода, шуршали от прикосновения.

— Я удалила лишнюю воду с одежды и поверхности твоего тела. Нечего так пугаться, —

хладнокровно пояснила Хасихиме нервничающему Ёсихико.

— ...Ты меня высушила, что ли?

— Глупый вопрос, — со вздохом отозвалась Хасихиме.

Ёсихико потёр лоб и ещё раз осмотрел одежду. Наверное, для богини воды это сущий пустяк.

— С-спасибо... — поблагодарил её Ёсихико. Сейчас у него с собой нет даже полотенца, так что он действительно благодарен. — ...Кстати, ты уже поправилась? По-моему, компресс не должен подействовать так быстро.

Этот вопрос не давал покоя Ёсихико уже долгое время. Ведь ещё с утра Хасихиме заявляла, что не может ходить.

— Лучшее лекарство для бога — не компресс, а забота людей.

— Забота?

— Вроде той, что побудила тебя предложить мне компресс. Когда я приняла его, моя боль сразу пошла на убыль.

Эти слова заставили Ёсихико удивлённо округлить глаза.

— Э, так это значит, что ты с самого утра могла ходить сама?

Ну-ка, кто просил из-за боли тащить её на спине?

Хасихиме кивнула ошеломлённому Ёсихико.

— Получается, так.

— Но ведь ты жаловалась на боль! Ты что, симулировала? Зачем тебе понадобилось, чтобы я тащил тебя досюда?!

Похоже, Когане обо всём знал, так как упорно смотрел в сторону. Видимо, эти два бога заодно.

— В этом нет ничего плохого. Я не хотела, чтобы меня переехало машиной, и к тому же...

— К тому же? — удивлённо переспросил Ёсихико, и тогда Хасихиме неожиданно заявила:

— Это было забавно.

Ёсихико ощутил такой приступ бессилия, что сразу же осел на пол. Он ведь не рикша. Однако очень тяжело спорить с богиней, которая к тому же только что спасла человека от гибели.

— Ты уже забыл, Ёсихико? — назидательным тоном обратился Когане к стонущему Ёсихико. — Боги — нелогичные создания.

— Какая нелогичность?! Это просто каприз!

Нельзя ли распоряжаться своей нелогичностью понятнее?

Хасихиме, не обращая внимания на вопли Ёсихико, достала из его сумки молитвенник, а затем, подобно тому, как это сделала Окё, приставила палец к имени Королевы Драконов Оомитами.

Ёсихико удивлённо посмотрел на это и обронил:

— ...Но ведь я не заставил клуб гребли покинуть реку?

Хоть Хасихиме и заставила его исполнить каприз, её заказ всё ещё не выполнен.

Однако Хасихиме вздохнула в ответ.

— Это уже неважно. Даже если эти люди покинут реку, лучше мне не станет. Ты помог мне вновь осознать это, — Хасихиме убрала палец, оставивший поверх чёрных чернил ярко-красную отметку, похожую на ту, что нанесена на её лоб. — Я сама согрешила тем, что полюбила человека. Сама наказала себя тем, что не смогла поведать ему об этом. Но при этом я никогда не забуду дорогого Хидесато. Мне остаётся лишь жить дальше с болью от того, что я не смогла объяснить ему свои чувства.

Кратко усмехнувшись над собой, Хасихиме вернула молитвенник. Когане сидел чуть поодаль и слушал, покачивая хвостом.

— Но меня это устраивает. Куда больше я боюсь как раз того, что забуду его. Мне будет... слишком тяжело расстаться с теми мягкими, нежными чувствами, что зародились во мне.

Ёсихико задумался о богине, что жила одна в этом крохотном святилище. Возможно, от одиночества её ненадолго спасали лишь нежные воспоминания о том, кого она когда-то любила.

— И к тому же, ты сам говорил, — продолжила Хасихиме, поднимая взгляд на Ёсихико. — Что любить кого-то — это счастье.

Ёсихико прищурился. Ему показалось, что образ Хасихиме ненадолго слился с тем, какой она была в своё время — молодой и источающей красоту.

— И раз так, мне остаётся лишь жить с этим счастьем.

Возможно, её глубокие, словно океан глаза, сейчас смотрят сквозь Ёсихико и видят возлюбленного.

— Слушай, я... не слишком тщательно разобрался, и не знаю, стоит ли об этом говорить, но... — неуверенно перехватил инициативу Ёсихико, принимая молитвенник. — После победы над Тайра-но-Масакадо Фудзивара Хидесато скончался. В его истории много пробелов, но, похоже, что потомков он оставил немало... и есть среди них и семья Юки.

Когда Ёсихико наткнулся на ту страницу в интернете, то так изумился, что тщательно изучил её несколько раз.

— Однако, как мне известно, в эпоху Эдо семья Юки, ведущая свой род от Хидесато, сменила фамилию, и я не могу сказать, можно ли считать Юки-гребца потомком Хидесато... но мало ли, насколько стоит доверять историческим записям...

Слова Ёсихико оказались настолько неожиданными, что Хасихиме слушала их, затаив дыхание.

— Неужели... тот юнец — потомок дорогого Хидесато?.. — Хасихиме положила руку на грудь и забегала глазами. — Хотя, пусть даже это не так... ясно... так внуки Хидесато всё ещё могут жить в этом мире...

Конечно, вряд ли мысли о Хидесато настолько овладеют её сознанием, что сейчас, спустя тысячелетие после его гибели, она вдруг начнёт выискивать его потомков, но...

Возможно, один из них, пусть не похожий ни именем, ни внешностью, завтра пройдёт по её мосту. Возможно, в следующем месяце он проплывёт по её реке. Возможно, в следующем году посетит её святилище.

И эта кровь будет жить и в будущем.

— Поэтому, хоть я и не знаю, как это хорошо сказать, но тебе незачем забывать о Хидесато и стыдиться своей любви.

Постепенно и любовь Ёсихико уходила в прошлое, растворяясь в повседневности. Конечно,

когда он вспоминал былые дни, то думал, что ему следовало поступить по-другому, но ни разу не жалел о том, что любил её.

— Возможно, если ты подумаешь о том, что среди тех людей, которые ходят по мосту, есть внуки Хидесато, тебе станет немного легче.

Может быть, у бывшей девушки Ёсихико уже есть новый любовник. Может, она скоро выйдет замуж и станет мамой.

А её ребёнок затем влюбится в кого-нибудь ещё.

— И правда... ведь только богам дано право наблюдать за потомками любимых людей, — Хасихиме искренне улыбнулась.

Когане, слушавший их разговор, вдруг повёл носом и посмотрел наверх.

Плотные тучи начали расступаться, и сквозь них пробились первые солнечные лучи.

— ...Ёсихико, отныне я разрешаю тебе называть меня по имени, — вдруг добавила Хасихиме уже после того, как Ёсихико убрал молитвенник в сумку.

— По имени? Но ведь я и без этого звал тебя Хасихиме.

— Это лишь имя, которым люди наделили защитниц мостов.

— Э? Значит, ты имеешь в виду имя Королевы Драконов Оомитами?

— Тоже нет, — Хасихиме покачала головой.

А затем смущённо отвела взгляд и сказала:

— Моё имя... Охана. Так меня прозвали из-за отметины в виде лепестков на лбу...

Её кокетливый образ не достоин звания Королевы Драконов.

Именно поэтому она не хотела, чтобы этим именем её называл кто-то, кроме того самого человека. Но теперь...

— Охана? — Ёсихико распробовал имя и улыбнулся. — Какое замечательное имя.

Лучи осеннего солнца пробились сквозь облака и осенили землю, а Охана смущённо покраснела и улыбнулась.

<http://tl.rulate.ru/book/101717/4513706>